

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подьяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Волчекъ. Разсказъ. Графъ Салиасъ. (Окончаніе). — II. Тайна Дѣдушки-Мороза. Стих. А. Кругловъ. — III. Изъ міра искусствъ. С. Лаврентьева. — IV. Витбергъ. Т. Пассекъ. — V. Черемисы. N. Z.

ВОЛЧЕКЪ.

Разсказъ.

(Посвящается Есеніи Евгеньевнѣ Салиасъ).

(ОКОНЧАНІЕ).

IX.

ПЕРЕЗЪ два мѣсяца Сонцевъ былъ сосланъ въ Угличъ и радъ былъ, что отдѣлался такъ дешево. Вскорѣ послѣ этого онъ выхлопоталъ позволеніе, чтобы семейству его дозволили то же соединиться съ нимъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ по первому зимнему пути пріѣхала и Сонцева съ дѣтьми и семья была опять счастлива по прежнему, такъ какъ всѣ были вмѣстѣ, всѣ живы и здоровы. Богатый родственникъ Сонцева обѣщалъ помогать ему и давать средства къ жизни. Однако часто Сонцевы, бесѣдуя съ новыми знакомыми и пріятелями, такими же ссыльными и опальными, какъ и они, мечтали, надѣялись и желали другъ другу поскорѣе счастливой перемѣны въ судьбѣ.

— Вѣдь не можетъ же вѣки вѣчные продолжаться царствованіе больной императрицы. Не можетъ же вѣчно властвовать кровопійца курляндецъ. Богъ дастъ, все скоро перемѣнится къ лучшему.

Въ Угличѣ, конечно, всѣ скоро узнали какъ и за что былъ сосланъ Сонцевъ, но объ злодѣѣ и донощикѣ никто никогда не говорилъ. Только разъ и случилось, что Ксая пригорюнилась и, вздохнувъ, спросила вдругъ:— гдѣ то теперь Волчекъ!..

Сонцевъ ничего не отвѣчалъ, а мать обратилась ко всѣмъ тремъ дѣтямъ и строго сказала имъ:

— Не поминайте никогда про эту собаку, чтобы я не слыхала и имени Волчка. И ты, Ксая, не смѣй помянуть про злого Волчка. Хоть онъ и совѣмъ не виноватъ... А все таки несчастіе наше отъ него приключилось!

Вѣсть изъ столицы, которая вскорѣ достигала до Углича, была громкая, но далеко нерадостная. Узнали вдругъ, что царица умерла! Но царство Бирона не кончилось, а напротивъ будто началось... Онъ сталъ какъ бы настоящимъ русскимъ императоромъ и только назвался иначе. Принялъ титулъ регента Русской имперіи. Сотни людей опальныхъ и ссыльныхъ по разнымъ русскимъ городамъ, возликовавшіе было при извѣстіи о смерти императрицы Анны, повѣсили головы, когда узнали, что на престолъ вступилъ шестимѣсячный младенецъ Іоаннъ, а государствомъ самостоятельно править тотъ же Биронъ и будетъ, слѣдовательно, гнать и казнить, русскую кровь пить до его совершеннолѣтія, т. е. стало быть еще двадцать лѣтъ. Ясно и понятно, что всѣмъ,

кому теперь 30—40 лѣтъ, легко могутъ не дожидаться прощенія и за это время умереть въ ссылкѣ. Но прошелъ годъ, и вся Россія вздохнула свободно и возликовала! Ненавистные нѣмцы въ свой чередъ судились и угонялись въ ссылку одинъ за другимъ. А надъ Русью возшло новое, красное солнышко. Вступила на престолъ русская цесаревна Елизавета. И во всякомъ городѣ, гдѣ было много опальныхъ и ссыльныхъ, шло особенное ликованіе. И чѣмъ болѣе было этихъ ссыльныхъ, тѣмъ болѣе ликовалъ городъ и тѣмъ болѣе трусили и поджимали хвосты мѣстные нѣмцы.

При извѣстіи о вступленіи на престолъ Елизаветы, Сонцева тотчасъ же написала нѣсколько писемъ своимъ прежнимъ пріятелямъ въ столицѣ и между прочимъ къ Теплому, который долженъ былъ быть теперь болѣе или менѣе въ силѣ, какъ опальный при Биронѣ. Письма въ то время путешествовали не скоро. Сонцевы только черезъ мѣсяца три узнали, что обѣщаютъ похлопотать о нихъ... Но прошелъ годъ и, кромѣ обѣщаній, не было ничего!

Х.

Между тѣмъ въ Петербургѣ, дѣйствительно, многое и многое перемѣнилось съ царствованіемъ Елизаветы Петровны. Чуть не ежедневно судили и высылали въ ссылку или на родину всѣхъ тѣхъ, кто былъ близокъ прежнимъ двумъ названнымъ правительствамъ.

Въ первые же мѣсяцы по вступленіи Елизаветы на престолъ, она сама, ея министры и всѣ присутственные мѣста были можно сказать завалены просьбами о прощеніяхъ. Оказывалось, что сосланныхъ такое количество, что приходится чиновникамъ хоть всѣ дѣла бросить, самыя важныя, а только разбирать жалобы на Бирона, да читать прошенія о помилованіи и возвращеніи изъ ссылки.

Сначала взялись было горячо за это... А потомъ стали

затягивать все больше, все больше,—и все говорили:—Хорошо... Погодите...

Вскорѣ и самой императрицѣ надоѣло все принимать или получать съ почты прошенія о помилованіи. И вдругъ однажды было совсѣмъ запрещено обращаться и наскучивать государынѣ съ такими просьбами. Въ это время именно, друзья Сонцева стали было хлопотать о немъ и тоже получили въ отвѣтъ:—Хорошо. Подождите.

Такъ прошло шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ и цѣлый годъ...

Друзья Сонцевыхъ все хлопотали, но узнали вдругъ, что государыня приказала произвести строжайшее слѣдствіе надъ чиновниками, которымъ было поручено разсматривать жалобы и прошенія ссыльныхъ. Оказалось, что нѣкоторыхъ лицъ, дѣйствительно виновныхъ, сдѣлали невинными жертвами Бирона и простили.

Такимъ образомъ дѣло прошенія невинно пострадавшихъ затормозилось вслѣдствіе недобросовѣстности нѣкоторыхъ правителей.

Между тѣмъ, въ одномъ маленькомъ домикѣ въ переулкѣ, на краю столицы, жилъ одинъ не богатый старичекъ-чиновникъ, у котораго изъ ума не выходило ссыльное семейство Сонцевыхъ. Старикъ жилъ одинъ одиухонекъ съ другомъ—собакой. Разумѣется это были—Карпушинъ и пудель-доношикъ Волчекъ.

Карпушинъ то же хлопоталъ не мало, но ничего не могъ сдѣлать. И ему отвѣчали цѣлый годъ:—Хорошо. Погодите.

Волчекъ напротивъ, немного погоревавъ, какъ будто утѣшился, какъ будто забылъ своихъ прежнихъ друзей *). Волчекъ былъ веселѣе, гулялъ съ своимъ новымъ хозяиномъ, и жизнь его была даже отчасти нѣсколько пріятнѣе. Старичекъ Карпушинъ, будучи одинокъ, постоянно бесѣдовалъ только съ Волчкомъ и отъ зари до зари занимался съ нимъ,

---

*) Если люди, существа разумныя,—забывчивы, такъ собакѣ оно конечно еще простительнѣе!..

выучивая его разнымъ штукамъ. Умный Волчекъ сталъ теперь еще умнѣе и образованнѣе прежняго. Онъ уже дѣлалъ такія штуки, что могъ подивить собою цѣлую столицу.

Прохлопотавъ и прождавъ годъ напрасно и вида, что Сонцевы пожалуй и на вѣки останутся въ ссылкѣ, Карпушинъ надумался что сдѣлать и какъ горю пособить. Ежедневно съ утра началъ онъ учить Волчка все одной и той же штукѣ. Онъ давалъ Волчку въ зубы разныя вещи, выводилъ его на улицу и заставлялъ, указавъ кого-нибудь изъ прохожихъ, отдать ему эту вещь. Разумѣется Волчекъ долго не могъ понять, чего желаетъ старикъ-хозяинъ. Долго бился Карпушинъ съ своимъ другомъ и даже раза два отъ досады поподчивалъ его палкой. Волчекъ не злился, а только жалобно завывалъ, какъ бы объясняя, что онъ не понимаетъ, чего отъ него требуютъ. Наконецъ однажды Волчекъ вдругъ понялъ-таки своего хозяина. Разъ какъ-то на улицѣ Карпушинъ далъ ему чурку въ зубы, показалъ на проходившую въ концѣ улицы какую то барыню и прибавилъ какъ всегда строго:

— Подавай!

Уже тысячный разъ слышалъ Волчекъ это слово и теперь, случайно, вдругъ понялъ своимъ собачьимъ разумомъ. Онъ бросился стрѣлой къ указанной фигурѣ, и ставъ, предъ ней на заднія лапы, запрыгалъ, какъ всегда дѣлалъ это предъ Карпушинымъ.—Барыня чтобы отвязаться отъ чужой собаки поневолѣ взяла чурку изъ зубовъ Волчка. Въ этотъ день до вечера старикъ ласкалъ, и цѣловалъ, и миловалъ Волчка на всѣ лады и закармлилъ сластями чуть не на убой. Волчекъ понялъ, что имъ были довольны наконецъ и понялъ что нужно дѣлать. И начали они вдвоемъ всякій день подавать чурки прохожимъ.

XI.

Прошло мѣсяца два, былъ теплый весенній день и новая императрица по обыкновенію захотѣла прогуляться пѣшкомъ.

Выйдя изъ небольшого дворца, она доѣхала до Лѣтняго сада и вышла изъ своей золотой кареты, сопутствуемая фрейлинами. На противоположномъ концѣ сада въ то же время появился маленькій старичекъ съ собакой. Этотъ человѣкъ и эта собака уже давно всякій день аккуратно являлись сюда будто на дежурство. На этотъ разъ старичекъ, завидя подъѣхавшую карету царицы, ахнулъ и перекрестился, будто случилось то, чего онъ уже давно ожидаетъ. Даже слезы заблестѣли у него на глазахъ отъ тревоги и радости. Это былъ конечно Карпушинъ.

— Ну, Волчекъ, ты погубилъ! Ты и спасай! воскликнулъ онъ.

И вынувъ изъ кармана большой, толстый пакетъ, надписанный и запечатанный, онъ сунулъ его въ зубы Волчку. Потомъ онъ повернулъ голову собаки по направленію къ прогуливавшейся государынѣ, показалъ и выговорилъ строго:

— Подавай!

То, что требовалось теперь отъ Волчка, онъ уже такъ давно и хорошо выучился дѣлать, что могъ исполнить лучше самого Карпушина. Живо перемахнулъ онъ черезъ маленькую ограду сада и пустился прямо на встрѣчу къ той барынѣ, которую ему показалъ хозяинъ.

Государыня еще издали увидѣла скачущую къ ней собаку съ чѣмъ то бѣлымъ въ зубахъ. Волчекъ храбро подскочилъ прямо къ ней, поднялся молодцемъ на заднія лапы и приблизился, прыгая и держа пакетъ въ зубахъ. При этомъ онъ вздергивалъ головой, какъ будто говорилъ нетерпѣливо:

— Да бери же!..

Государыня разсмѣялась, тотчасъ же догадалась и взяла пакетъ.

— Вотъ удивительно, вотъ странно, заговорили кругомъ нея фрейлины.

На пакетѣ оказалась надпись на имя самодержицы все-россійской отъ вѣрнаго Волчка. Государыня разорвала пакетъ и прочла четко и красиво написанную просьбу, въ ко-

торой объяснялось подробно — какимъ образомъ, кѣмъ и за что былъ погубленъ и сосланъ дворянинъ Сонцевъ. Пудель проситель умолялъ великую государыню приказать разслѣдовать дѣло Сонцева, вызвать его изъ Углича и тѣмъ поправить великую ошибку и преступленіе, совершенное просителемъ. Въ концѣ просьбы была подпись такая: донощикъ на своего хозяина, нынѣ уповающій на милосердіе и справедливость великой государыни, вѣрный, добрый и умный, но опрометчивый по своей собачьей глупости, пудель Волчекъ.

Государыня, прочитавъ просьбу, долго и громко смѣялась, а Волчекъ сидѣлъ передъ нею на заднихъ лапахъ и глядѣлъ на нее своими умными глазами. Онъ будто ждалъ. Государыня погладила собаку по головѣ и выговорила, смѣясь:

— Ну, ступай, хорошо. На такія просьбы запрещенія нѣтъ. Прикажу тотчасъ разслѣдовать дѣло!

И Волчекъ, будто понявъ всѣ слова, вскочилъ и бросился въ сторону, гдѣ остался ждать Карпушинъ. Старикъ, спрятавшись за уголъ дома, видѣлъ, какъ государыня читала просьбу и смѣялась; видѣлъ, какъ погладила она собаку.

И теперь Карпушинъ встрѣтилъ Волчка, ухватилъ его за переднія лапы, обнялъ какъ человѣка и разцѣловалъ въ обѣ мохнатые щеки.

ХІІ.

Черезъ три мѣсяца послѣ этого въ Петербургѣ, въ той же квартирѣ, гдѣ когда-то жили Сонцевы, было снова шумно и весело. Снова вся семья была въ своемъ домѣ и все шло по старому, даже лучше и счастливѣе устроилось. Только дѣти были уже больше, умнѣе, меньше шалили и меньше упрямились. Они уже знали, что бываютъ на свѣтѣ и бѣды, и несчастія съ людьми. И теперь такъ же, какъ и прежде, за обѣдомъ и за ужиномъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ тотъ же Волчекъ. Ему все простили, все забыли и напротивъ любили

его больше, чѣмъ когда-либо. Никакихъ штукъ Волчка не заставляли теперь дѣлать, какъ бы изъ уваженія къ тому, что онъ одной своей штукой спасъ изъ ссылки цѣлую семью. Да и Волчекъ самъ будто съ разу постарѣлъ теперь, глаза блестѣли у него какъ-то меньше, будто немножко потухли, бѣгалъ онъ то же гораздо меньше, а ходилъ какъ-то степенно и важно и любилъ чаще спокойно лежать около Сонцева.

Первый другъ Волчка была все-таки Ксаня. Поумнѣвъ съ годами, она уже понимала больше и стала еще бойчѣе.

Когда Сонцевъ рассказывалъ при ней новому знакомому какъ его погубилъ, а потомъ и спасъ умный Волчекъ... то Ксаня всегда прибавляла бойко:

— А я еще умнѣе... Волчекъ папу и насъ всѣхъ спасъ... А я самого Волчка отъ кучера спасла!..

И всегда всѣ должны были отвѣчать:

— Да, что правда, то правда!

Графъ Саліасъ.

ТАЙНА ДѢДУШКИ МОРОЗА.

(Посвящается Олѣ Пассекъ).

ОЧЬ. И куклѣ, и лошаdkѣ—
Отдыхъ... Спишь и ты въ кроваткѣ;
На лицо скатился локонъ...

* * *

Ходить Дѣдъ-Морозъ дозоромъ
И причудливымъ узоромъ
Украшаетъ стекла оконъ.

* * *

Вѣтъ чудною отрадой
Въ теплой комнатѣ, лампадой
Освѣщаемой не ярко.

* * *

Ты милѣй, малютка, розы;
Отъ волшебной, свѣтлой грёзы
Разгорѣлись щечки жарко...

* * *

Пробѣгаетъ лучъ лампадки
Вдоль орѣховой кровати,
И ласкаетъ мягкій локонъ;

* * *

А Старикъ-Морозъ дозоромъ
Ходить медленно, узоромъ
Украшаетъ стекла оконъ.

* * *

Завтра ты съ восходомъ солнца
Встанешь—все твое оконце
Разрисовано красиво...

* * *

Ты не разъ уже, бывало,
Къ старой нянѣ приставала,
И она тебѣ лѣниво —

* * *

Объясняла, какъ умѣла:

„Это—дѣдушкино дѣло“...

Няня правду говорила,

* *

Да тебѣ, моя вострушка,

Няня—добрая старушка—

Одного не объяснила;

* *

Я узналъ про то случайно,

Что для старой няни тайна,

И чего мудрецъ не знаетъ:

* *

Ты милѣй, дитя, чѣмъ роза,

И у Дѣдушки-Мороза

Вдругъ желанье возникаетъ—

* *

Посмотрѣть, какъ ты въ кроваткѣ

Спишь, а блѣдный лучъ лампы

Твой ласкаетъ мягкій локонъ,—

* *

Вотъ и ходить Дѣдъ суровый

Въ длинной шубѣ и въ бобровой

Шапкѣ—медленно близъ оконъ.

* *

Ходить, ходить и устанетъ,

Подойдетъ къ окну,—заглянетъ:

„Что творится въ тишинѣ?“—

* *

Устремить свои онъ взоры,—

Отъ дыханія узоры

Остаются на окнѣ.

Александръ Кругловъ.

С.-Петербургъ.
10-го января 1881 г.

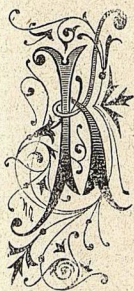

ВЪ МІРѢ ИСКУССТВЪ.

(ОКОНЧАНИЕ).

X.

Новое искусство.

ВЪ ПЯТНАДЦАТОМУ столѣтію нарождается новое искусство, — оно составляетъ продолженіе средне-вѣковаго. Архитектура этого времени, оставивъ прежнее таинственное стремленіе въ высъ, обратилась снова къ античнымъ, классическимъ образцамъ, болѣе подходящимъ къ простотѣ общественной жизни, — почему этотъ переходъ и называется стилемъ Возрожденія.

Изъ античныхъ формъ больше всѣхъ подходили къ пробуждавшемуся тогда исторически-научному направленію формы римскія. Поэтому, новая архитектура стоитъ почти на одной ступени съ римскою и отклонилась отъ романскаго и преимущественно готическаго стиля; но за то новый стиль многостороннѣе и разнообразнѣе готическаго, особенно въ частныхъ зданіяхъ новаго времени.

Колыбель новой архитектуры—Италія, лучшіе образцы которой представляютъ зданія первой эпохи этого искусства, когда на новыя благородныя, античныя формы, вѣяло таинственной поэзіей готическаго стиля. Всего замѣчательнѣе являются дворцы и чертоги богачей, въ родѣ дворца „Питти“ или палаццо „Строцци“ во Флоренціи. Въ церквахъ тоже стали проявляться сводчатый римскій типъ, съ массивными столбами, иногда съ куполами или главами, на манеръ визан-

тійскихъ. Къ такимъ сооруженіямъ принадлежитъ знаменитый флорентійскій соборъ, постройку котораго началъ Филиппо Брунеллески (съ 1375—1446), главный основатель новой архитектуры; по его плану построены во Флоренціи многіе церкви и дворцы, между которыми и упомянутый дворецъ Питти.

Послѣ флорентійской архитектуры того времени, особенно отличалась—венеціанская, воздвигшая столько прелестныхъ дворцовъ по берегамъ каналовъ Венеціи и много красивыхъ церквей, стиль которыхъ напоминаетъ всего болѣе стиль византійскій. Однимъ изъ отличнѣйшихъ архитекторовъ этой школы былъ Фра-Джакондо, изъ Вероны.

Въ остальныхъ мѣстахъ Италіи, въ XV вѣкѣ, хотя и принимали новый стиль, но ему не подражая рабски, почти въ каждомъ городѣ усваивали его себѣ на особый ладъ. Съ XVI вѣка начинаютъ серьезно относиться къ новымъ формамъ, и тогда Римъ дѣлается средоточіемъ итальянской архитектуры. Первымъ мастеромъ этого времени былъ Донато Ладзари, чаще называемый Браманте (1444—1554). Онъ руководилъ новой отстройкой церкви св. Петра. Планъ Браманте представляетъ громадное купольное сооруженіе надъ поверхностью формы греческаго (равноконечнаго) креста.

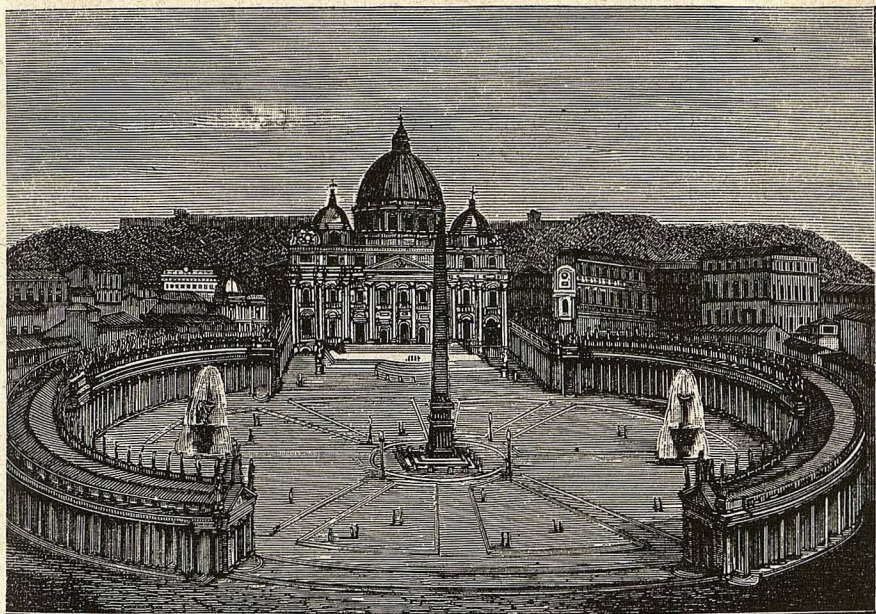
Архитекторъ Антоніо ди-Сан-Галло, изъ Флоренціи, продолжалъ сооруженіе церкви св. Петра, до своей смерти, и все же было сдѣлано довольно мало, потому планъ безпрестанно измѣняли. Велѣдъ за Сан-Галло, руководство надъ работами церкви св. Петра поручено (1475—1564) Микель-Анджелло Буанаротти *). Микель-Анджелло вноситъ иной духъ въ итальянскую архитектуру и смѣло передѣлываетъ усвоенныя формы по своему произволу. Въ Римѣ, изъ числа его построекъ замѣчательнъ Капитолійскій дворецъ и боковыя зданія на Капиталійской площади. Главная его работа—сооруженіе храма св. Петра, планъ его подходилъ къ плану Браманте, это—куполь надъ греческимъ крестомъ. Не смотря на всѣ препятствія, онъ, съ свойственной ему энергіей, дошелъ до сводовъ грандіознаго купола, который, десять лѣтъ спустя послѣ кончины Микель-Анджелло, былъ законченъ совершенно по его плану и можетъ

*) Впослѣдствіи мы дадимъ біографію Микель-Анджелло, такъ же какъ и другихъ.

считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ новаго времени. Въ XVII столѣтіи, къ храму рѣшено было пристроить обширную сѣнь или притворъ, а еще позже, архитекторомъ Лоренцо Бернини сдѣланы могучія колоннады, обнимающія площадь передъ церковью.

Въ Западной Европѣ новый стиль Возрожденія изъ Италіи перенесся прежде всего во Францію и Германію, и сильно мѣшался съ готическимъ, это видно въ великолѣпномъ храмѣ (1532) св. Евстафія, въ Парижѣ. Дворцы вре-

Церковь св. Петра въ Римѣ.

мень Франциска уже выражаютъ дѣятельность французской школы въ великолѣпномъ замкѣ Шамборъ, во дворцѣ Фонтенбло, Пьера Леско (1511) въ Луврскомъ дворцѣ работы Пьера Леско, доведенномъ до высшей степени красоты французской архитектуры. Дворецъ Тюльери, построенный лучшимъ архитекторомъ начала XVII вѣка—Жакомъ де-Броссъ, нѣсколько напоминающій флорентійскія дворцовыя сооруженія. Построенный Мансаромъ, Версальскій дворецъ не прославилъ бы имени его строителя,

если бы вслѣдъ за нимъ онъ не воздвигъ Инвалиднаго дома (въ Парижѣ), который считается однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ зданій вообще, а куполь его однимъ изъ прекраснѣйшихъ куполовъ во всемъ новомъ искусствѣ. Къ числу замѣчательныхъ зданій XVIII вѣка принадлежитъ церковь св. Женевьевы или Пантеонъ (въ Парижѣ).

Въ Германіи, въ половинѣ XVI вѣка, возникли разныя значительныя постройки въ итальянскомъ стилѣ. Къ граціознѣйшимъ изъ нихъ принадлежитъ въ Пражскомъ градѣ Бельведеръ Фердинанда I, это на высокой террасѣ сквозная, аркадная галерея, изъ-за которой поднимается простое, величественное зданіе; роскошную выработку этого стиля представляетъ „Отто-Генриха палата“ на восточной сторонѣ двора въ Гейдельберскомъ замкѣ. Изъ церковныхъ построекъ обращаютъ вниманіе храмъ „св. Михаила“ въ Мюнхенѣ и церковь „св. Карла Баромея“ въ Вѣнѣ.

Въ Лондонѣ церковь св. Павла, въ Антверпенѣ: церковь св. Карла, биржа и ратуша;—въ Испаніи, коллегія Сан-Грегоріо—въ Вальядолидѣ, дворецъ Инфантадо—въ Гвадалахарѣ, госпиталь Санто-Крусъ—въ Толедо и пр.

XI.

Русское искусство.

Съ древнѣйшихъ временъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, кочующія племена оставили по себѣ памятники, въ видѣ могилъ, называющихся курганами. Курганы эти тянутся на огромномъ пространствѣ, по берегамъ рѣкъ сѣверной и восточной Россіи, и разсыпаны по степямъ юга.

Внѣшній видъ этихъ могилъ чрезвычайно разнообразенъ. Внутренность кургановъ состояла изъ большой ямы и изъ нѣсколькихъ боковыхъ гробницъ, соединенныхъ между собою подземными ходами. Въ главной гробницѣ погребали тѣло того, для кого она и назначалась, а въ боковыхъ — его невольниковъ, любимую лошадь и любимыя вещи. Разрывая курганы, въ нихъ находятъ до-сихъ поръ очень дорогія вещи,

какъ по своей цѣнности, такъ и потому, что по нимъ можно судить объ искусствѣ того времени.

Древніе писатели говорятъ, что славяне селились отъ Балтійскаго моря до Чернаго, жили они въ деревянныхъ избахъ, разбросанныхъ на большомъ пространствѣ. Больше же любили строить свои жилища среди лѣсовъ и болотъ. Они сколачивали свои избы и плотно покрывали ихъ тесомъ, или строили изъ древесныхъ вѣтвей, обмазывали ихъ глиной. Все селеніе обносилось деревянною оградой, съ бастионами, башнями и крѣпкими воротами.

Въ первобытныя времена всѣхъ народовъ, вѣра складывалась подъ вліяніемъ природы. На югѣ тянутся безграничныя степи, сливаясь на горизонтѣ съ синевой неба. Вѣтерокъ гуляетъ по степи, перешептываясь съ душистой травой; тихо, будто въ раздумьи, плывутъ надъ степью бѣлыя облачка, да кружится степной, хохлатый жаворонокъ, тишь и спокойствіе кругомъ охватываютъ душу человѣка.

Ближе къ сѣверу, дремучіе лѣса; стелется подъ деревьями сочная мурава; тихо журчитъ подъ развѣсистой сѣнью свѣтлый ручей или зеленѣетъ изумрудное болотце. Дремучій лѣсъ точно думу думаетъ; чувство благоговѣнія вселяется въ душу первобытнаго человѣка и чудится ему могучій духъ во всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленіяхъ природы. Онъ поклоняется и дереву, и лѣсу, и рощѣ. Встрѣтится ли на равнинѣ огромный, допотопный камень или валунъ—поклоняются и ему; такъ поклонялись солнцу, лунѣ и звѣздамъ, а также ручьямъ и рѣкамъ. Въ каждомъ семействѣ находилось домашнее божество, подъ защитой котораго былъ домъ, и каждый посѣтитель, оскорблявшій гостя, оскорблялъ божество; вотъ начало славянскаго гостепріимства.

Такъ какъ гроза поражаетъ воображеніе всего сильнѣе, то это явленіе въ языческой Руси олицетворялось въ видѣ бога Перуна, властителя неба и земли. Идолы или истуканы, изображавшіе Перуна, представляли его воиномъ, и приписывали ему поражение злыхъ духовъ, которые наполняли воздухъ передъ грозою, отчего воздухъ становился такъ тяжелъ и душенъ, Перунъ ихъ прогонялъ и воздухъ очищался.

Въ то время какъ у другихъ народовъ были уже храмы, въ языческой Руси ихъ еще не было. Алтарями, на которыхъ приносились жертвы въ честь могучаго духа, служили горы,

скалы, камни огромной величины; а сводами этихъ храмовъ были вѣтвистыя деревья. Жертвы приносились и у священныхъ дубовъ, и у священныхъ рѣкъ. Когда стали поклоняться идоламъ, ихъ ставили на холмахъ, на открытомъ воздухѣ, такъ Перунъ въ Кіевѣ стоялъ на холмѣ надъ Днѣпромъ, а въ Новгородѣ стоялъ кумиръ надъ Волховомъ. Слова трѣбище и капище означали: первое — мѣсто гдѣ приносилась жертва; а слово капище происходитъ отъ слова капъ—образъ, слѣдовательно могло означать самого идола, а также тотъ навѣсъ, шатерь, которымъ онъ укрывался отъ непогодъ. Что капище не могло означать храма, видно изъ словъ древняго лѣтописца, который говоритъ: св. Владиміръ (до принятія христіанства) привезъ въ Кіевъ изъ Херсонеса „два мѣдныхъ капища“ т. е. идола. Когда же ввели христіанство, то вездѣ говорится о ниспроверженіи идоловъ и ни одна лѣтопись не говоритъ о разрушеніи храмовъ, стало быть ихъ и не было.

Постройка храмовъ началась въ Руси только съ введеніемъ христіанства, которая не выражаетъ подобно зданіямъ западной Европы ни народности, ни фантазіи. Тамъ кельнскій соборъ, храмъ Петра строили народы,—потомки довершали начатое предками.

А наши зданія?

Они не были выраженіемъ ни религіознаго чувства ни фантазіей цѣлой массы народа. Ихъ сооруженіе начиналось и оканчивалось волею одного лица, великаго князя или митрополита, и строителями ихъ были иностранные архитекторы. Такъ Десятинная, церковь построенная св. Владиміромъ въ Кіевѣ *), была воздвигнута архитекторами вывезенными изъ Греціи. Изъ Греціи также были вызваны архитекторы для построекъ церквей въ южной и восточной Россіи. Но Греція, передавая намъ религію и зодчество, не передала величіе софійскаго храма, ни своей роскоши, ни своей торжественности. А наше отечество, среди вѣковыхъ бѣдствій, не успѣло наложить ни на одно изъ художествъ своей отличительной характеристики.

Изъ первыхъ христіанскихъ храмовъ еще замѣчательны: церковь св. Софіи **) въ Кіевѣ, построенная по образцу

*) Въ 989 году.

**) Построена при Ярославѣ въ 1037 г.

храма Юстиніана въ Константинополѣ *); соборъ Спаса въ Черниговѣ, по образцу св. Софіи въ Константинополѣ **).

Между тѣмъ, сѣверная и сѣверо-западная часть Россіи, отдѣленная отъ восточной дремучими лѣсами, непроходимыми болотами, Волгой, обратилась къ мастерамъ изъ западной Европы, они занесли къ нимъ стиль романскій, въ духѣ котораго и стали строить всѣ церкви этихъ частей Россіи.

Церковь Василия Блаженного.

Для собора Успенскаго, въ Москвѣ Іоаннъ III вызвалъ мастеровъ итальянскихъ: Аристотеля и др. Ими построены Троицко-Сергіевская лавра и стѣны съ башнями, окружающія Кремль. Остальныя зданія Кремля были построены тоже итальянскими мастерами: Терема и Архангельскій соборъ *** — Алевизи, изъ Милана; а дворецъ и Грановитая палата ****) — Марко Руффо.

*) При в. к. Мстиславѣ въ 1024 году.

**) Начать 1475 г. — оконченъ 1479 г.

***) 1589—1686 г.

****) 1505—1529 г.

Во всѣхъ этихъ постройкахъ къ романскому стилю сталъ понемногу примѣшиваться своеобразный, новый стиль.

Царь Іоаннъ IV (Грозный) задумалъ выстроить въ Москвѣ церковь, архитектура которой не походила бы ни на какое другое зданіе. Вызванные имъ итальянскіе мастера воздвигаютъ церковь Василія Блаженнаго *), фантастическій стиль которой поражаетъ до сихъ поръ. Башни и главы ея возносятся надъ невысокимъ, двухъэтажнымъ корпусомъ зданія и всѣ разнятся другъ отъ друга затѣйливыми прикрасами своей пестрой отдѣлки. Церковь эта нѣсколько разъ горѣла. Въ томъ видѣ, какой она имѣетъ теперь, она возобновлена въ 1817 г. по первоначальному своему типу.

Въ томъ причудливомъ стилѣ, въ которомъ построена гигантская колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ **) построены болѣе или менѣе всѣ зданія до временъ Петра Великаго, который, вмѣстѣ съ другими подражаніями Германіи и Голландіи, ввелъ у насъ и ихъ архитектуру того времени, съ высокими, длинными шпильми, образцы которыхъ видимъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости и Адмиралтействѣ—въ Петербургѣ.

Высокимъ образцомъ своеобразной архитектуры служить составленный геніальнымъ русскимъ архитекторомъ Витбергомъ первоначальный планъ храма Спасителя, заложеннаго въ царствованіе императора Александра I (Благословеннаго), на Воробьевыхъ горахъ, въ окрестностяхъ Москвы. Къ сожалѣнію, планъ этотъ въ послѣдствіи былъ замѣненъ планомъ другого архитектора и храмъ построенъ въ самомъ городѣ.

С. Лаврентьева.

*) 1491 г.

**) 1601 г.

АЛЕКСАНДРЪ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ВИТБЕРГЪ.

Строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ (род. 1787 † 1855).

Не зданіе хотѣлъ онъ воз-
двигнуть, а молитву Богу.

ВЪСЯЧА семьсотъ восьмидесятаго года переселился въ Петербургъ шведскій дворянинъ Лаврентій Самойловичъ Витбергъ, гдѣ 15 января 1787 года у него родился сынъ Карлъ, впослѣдствіи знаменитый художникъ Александръ Витбергъ. Онъ получилъ отъ своего отца направленіе глубоко-религіозное и строго нравственное. Съ дѣтскаго возраста въ Карлѣ Витбергѣ проявилась склонность къ живописи; отецъ не препятствовалъ его призванію и когда молодой Витбергъ вступилъ въ юношескій возрастъ, то принять былъ въ академію художествъ на казенный счетъ по исторической живописи и на всѣ ежемѣсячные экзамены представлялъ эскизы на задаваемые темы такъ успѣшно, что получилъ за нихъ нѣсколько наградъ.

Однажды воспитанники академіи, съ разрѣшенія президента, устроили спектакль. Въ піесѣ Кодебу „Сынъ любви“ конференцъ-секретарь академіи, извѣстный мистикъ Лабзинъ, былъ такъ восхищенъ игрой Витберга, что пригласилъ его

участвовать въ театрѣ одного изъ своихъ друзей, это ихъ сблизило и онъ сталъ чаще и чаще бывать на христіанскихъ бесѣдахъ умнаго, пылкаго издателя „Сіонскаго Вѣстника“, переводчика религіозныхъ сочиненій Штиллинга, Экартегаузена и многихъ другихъ въ этомъ родѣ. Обладая широкимъ взглядомъ и даромъ слова, Лабзинъ одушевлялъ бесѣды и сильно дѣйствовалъ на религіозное настроеніе молодого человѣка, которое проявилось въ послѣдствіи и въ его знаменитомъ проектѣ—храма Спасителя.

Черезъ Лабзина Александръ Лаврентьевичъ познакомился съ Державинымъ, съ которымъ Лабзинъ былъ такъ близокъ, что держалъ корректуру его стихотвореній и въ обществѣ „Русскаго Слова“ читалъ за него его сочиненія. Витбергъ былъ хорошо принятъ Державинымъ, нерѣдко посѣщалъ его и нарисовалъ двѣ виньетки къ его лирическимъ сочиненіямъ. Домъ поэта находился на Фонтанкѣ, у Обухова моста, внутри былъ изящно расположенъ, снаружи въ колоннадахъ. Пріемъ у Державина былъ чрезвычайно привѣтливъ, разговоръ одушевленъ. Поэтъ почти всѣхъ посѣтителей принималъ въ тепломъ халатѣ, какъ ходилъ дома, и постоянно держалъ за пазухой маленькую собачку.

Въ Петербургѣ Витбергъ познакомился съ семействомъ смоленскихъ помѣщиковъ—Артемьевыми. Меньшая дочь Артемьевыхъ Елизавета Васильевна сдѣлала на него сильное впечатлѣніе и сама увлеклась имъ. Они объяснились во взаимныхъ чувствахъ, но зная гордость ея родителей, они, боясь затрудненій и непріятностей, рѣшили до времени молчать, когда же Артемьевы уѣхали въ деревню, то стали переписываться.

Во время войны переписка ихъ прервалась. Помѣстье Артемьевыхъ находилось на смоленской дорогѣ и было занято непріателемъ. Сами они бѣжали въ Нижній-Новгородъ.

Между тѣмъ, по окончаніи войны, 1812 года 25-го декабря императоръ Александръ Благословенный въ Вильнѣ издалъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалъ своему народу, что онъ желаетъ воздвигнуть храмъ во имя Христа Спасителя, какъ памятникъ славы Россіи, какъ молитву и благодареніе искупителю рода человѣческаго за искупленіе Россіи.

Государь хотѣлъ храмомъ возблагодарить Бога и ему отдать свои побѣды.

Конкурсъ о храмѣ Спасителя былъ напечатанъ и заявленъ даже заграницей. А. Л. Витбергъ былъ восхищенъ идеей посвященія храма Спасителю. Идея новая, обширная! Храмъ Христу—это храмъ христіанству, храмъ—человѣчеству. Художникъ какъ бы читалъ въ душѣ государя и въ немъ родилось пламенное желаніе, чтобы храмъ этотъ, удовлетворяя требованію царя, былъ бы достоинъ и народа; онъ хотѣлъ, чтобы храмъ во имя Христа былъ величественъ и колоссаленъ, чтобы онъ перевѣсилъ славу храма Петра въ Римѣ, чтобы каждый камень его и всѣ вмѣстѣ были не произвольными формами архитектуры, не мертвой массой камней, но выразили бы собою духовную идею живого храма Божія—человѣка: по тѣлу, душѣ и духу, слѣдуя изрѣченію Христа: „не вѣдаете бо, что храмъ Божій есте, и духъ святой въ васъ обитаетъ“. Сверхъ всего, онъ хотѣлъ, чтобы, независимо отъ главной идеи, храмъ Спасителю былъ и памятникомъ доблестныхъ подвиговъ изъ исторіи своего времени.

Мысль эта долго жила въ душѣ Александра Лаврентьевича, но, никогда не занимаясь архитектурой, онъ считалъ невозможнымъ ея осуществленіе. Между тѣмъ многіе уже трудились надъ составленіемъ проектовъ, которые должны были быть внесены на высочайшее усмотрѣніе. Разсматривая проекты своихъ товарищей по академіи, Витбергъ во многихъ находилъ талантливость, но ни въ одномъ не находилъ одушевлявшей его идеи и невольно приводилъ ее въ самомъ себѣ все въ большую и большую ясность.

Лѣтомъ 1813 года Витбергъ взялъ отпускъ отъ академіи и первый разъ въ жизни поѣхалъ въ Москву; давно желалъ онъ видѣть первопрестольный городъ Россіи. Онъ увидалъ его сожженный, обгорѣлый, пустой и надъ развалинами его Кремль, одинъ уцѣлѣвшій отъ гибели.

Витбергъ былъ знакомъ съ Ростопчинымъ еще въ Петербургѣ *) и очень интересовался имъ. Ростопчинъ принялъ Александра Лаврентьевича чрезвычайно привѣтливо, пригласилъ поселиться у него въ домѣ и заняться виньетками и картинами

---

*) Графъ Ростопчинъ увидалъ у конференцъ-секретаря Лабзина картину Витберга „Марфа Посадница“, которая чрезвычайно понравилась ему. Витбергъ картину эту поднесъ Ростопчину.

къ предполагаемому имъ описанію патріотическихъ подвиговъ отечественной войны *). Витбергъ отказался отъ житья у Ростопчина и предпочелъ предложенную ему квартиру у Рунича въ почтамтѣ.

Однажды Витбергъ, гуляя съ Руничемъ въ Кремлѣ, восхищенный величественнымъ видомъ открывавшагося полгорода, высказалъ свою мысль о храмѣ. Одушевленный этимъ разсказомъ, Руничъ просилъ его неотступно набросать главный очеркъ его идеи. Витбергъ отвѣчалъ, что, не зная архитектуры, трудно исполнить его просьбу; но внутренно стремился къ ея осуществленію и рѣшился приняться за дѣло.

На другой день онъ началъ означать чертежами свои идеи, взялся за архитектурныя книги, чтобы идеи подчинить правиламъ науки и сталъ изучать древности и сочиненія знаменитѣйшихъ писателей. Слишкомъ два года провелъ онъ въ непрерывныхъ трудахъ. Всѣмъ пожертвовалъ онъ для этого дѣла, даже и академіей, со всѣми соединенными съ ней выгодами, обѣщавшими блестящую будущность. Идеаль прояснялся, принималъ опредѣленную форму. Наконецъ, художникъ почувствовалъ, что онъ сталъ на настоящую дорогу, что основаніе готово, надобно только усовершенствовать.

Усиленные труды доводили иногда Витберга до изнеможенія, его поддерживали въ Москвѣ архіепископъ Августинъ съ находившимся при немъ духовенствомъ, бывшій министръ юстиціи поэтъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ; въ Петербургѣ графъ А. К. Разумовскій и синодальный оберъ-прокуроръ князь А. Н. Голицынъ.

По окончаніи работъ, Витбергъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, но прежде отъѣзда желалъ слышать сужденіе о своемъ проектѣ людей истинно просвѣщенныхъ. Отъ многихъ вельможъ, съ которыми его познакомилъ графъ Ростопчинъ, онъ слышалъ бесплодныя, ни на чемъ не основанныя похвалы и искалъ большихъ авторитетовъ; этому помогла встрѣча съ знаменитымъ медикомъ, Матвѣемъ Яковлевичемъ Мудровымъ. Однажды Мудровъ предложилъ Александру Лаврентьевичу ѣхать съ нимъ въ деревню къ Николаю Ивановичу Новикову; Витбергъ принялъ предложеніе съ восторгомъ. Они поѣхали.

---

*) Осталось неизданнымъ.

Верстахъ въ 60-ти отъ Москвы, по бронницкой дорогѣ, открылась имъ небольшая деревушка съ ветхой барской усадьбой и запущеннымъ садомъ. Ихъ встрѣтилъ чрезвычайно радушно старичекъ блѣдный, болѣзненный, со взоромъ исполненнымъ ума, огня и жизни. Это былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, геніальный дѣятель, разливавшій въ Россіи свѣтъ Европы.

Чего я долженъ ждать, думалъ Витбергъ, глядя на старца, отъ взгляда на храмъ, воздвигаемый Россіей, такого человека, который всю жизнь свою воздвигалъ въ Россіи храмъ иной—колоссальный, великій.

Новиковъ жилъ отшельникомъ въ своей деревушкѣ — единственномъ достояніи, съ однимъ изъ оставшихся друзей и сотрудниковъ — Гамалеемъ.

Когда вошелъ Гамалей, о которомъ Витбергъ слышалъ, какъ о человѣкѣ строгомъ, неприступномъ, то крайне удивился, увидавъ старичка, исполненнаго привѣтливости и любви, но нѣсколько рѣзкаго и молчаливаго. Новиковъ же, напротивъ, говорилъ много, голосъ его былъ пріятенъ и рѣчь до крайности увлекательна. Витбергъ сказалъ Новикову о цѣли своего пріѣзда. Новиковъ говорилъ, что онъ уже много слышалъ о его проектѣ, благодарилъ, что онъ вздумалъ навѣстить стараго страдальца-отшельника и пожелалъ видѣть проектъ. Витбергъ развернулъ проектъ и сталъ объяснять его, сколько можно, строже. Новиковъ слушалъ внимательно, горячо, какъ любитель прекраснаго. Кончивши, Витбергъ просилъ ихъ сужденія.

Гамалей сказалъ:

— Лучше всего то, что вы расположили храмъ свой въ тройственномъ видѣ; если вамъ удастся это выработать какъ слѣдуетъ,—это будетъ хорошо.

Новиковъ хвалилъ идею, совѣтовалъ откинуть нѣкоторыя подробности, чтобы чище оставалась главная идея и добавилъ:

— Очень радъ, что вы посвятили свой талантъ на предметъ столь достойный и предвижу успѣхъ. Если люди воздвигаютъ себѣ памятники и дворцы, то какой же наружный храмъ надобно воздвигнуть Богу живому? Конечно, надобно, чтобы онъ не ограничивался красотою формы, въ каждую форму долженъ глубоко врѣзаться внутренній смыслъ.

Старики полюбили художника; онъ провель у нихъ нѣсколько дней, послѣ не разъ прїѣзжалъ къ нимъ въ деревню и всегда подолгу бесѣдовалъ съ ними. Во время этихъ бесѣдъ Новиковъ разсказалъ ему, какъ онъ старался познакомить Россію съ лучшими литературными произведеніями Европы; какъ на сильный призывъ его стекались друзья во имя общей пользы и любви къ просвѣщенію, чтобы совокупно работать; какъ онъ завель книжную лавку и огромную типографію, превзошедшую всѣ, заведенныя правительствомъ; издавалъ литературный журналъ „Живописецъ“; какъ на образованіе множества молодыхъ людей, на путешествія ихъ по Европѣ онъ и друзья его отдавали всѣ свои средства, пропагандируя просвѣщеніе. Результаты были блестящіе. Разсказывалъ, какъ успѣхъ его типографіи возбудилъ вниманіе, потомъ зависть и наконецъ опасенія на счетъ огромной типографіи въ рукахъ частнаго человѣка. Этотъ взглядъ подкрѣпили подозрѣніемъ когда избрали цесаревича Павла Петровича протекторомъ, и какъ, не смотря на то, что Новиковъ былъ далекъ отъ политическихъ замысловъ, его схватили и посадили въ шлиссельбургскую крѣпость, тамъ онъ просидѣлъ семь лѣтъ, и только при воцареніи императора Павла его освободили; но семь лѣтъ тюрьмы разрушили его здоровье. По освобожденіи, онъ удалился въ свою разстроенную деревушку, гдѣ и жилъ въ глубокомъ уединеніи.

Витбергъ засталъ обоихъ старцевъ за литературными занятіями. Они показали ему свою библіотеку, въ которой находилось до 50-ти книгъ, переведенныхъ Новиковымъ, при чемъ онъ сказалъ:

— Съ искренней скорбью вижу, что столько труда пропадаетъ даромъ; не кому завѣщать все это, не кому передать мысли для продолженія начатого.

Въ числѣ множества разговоровъ Витберга съ обоими друзьями, неоднократно шла рѣчь о снахъ и видѣніяхъ вообще и о пророческихъ снахъ, видѣнныхъ Витбергомъ въ его юности.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Витбергъ просилъ позволенія снять портреты съ Новикова и Гамалея. Новиковъ согласился, Гамалея — уговорить не могли.

Когда проектъ былъ готовъ окончательно, Витбергъ готовъ былъ ѣхать въ Петербургъ, какъ совсѣмъ неожиданно

пріѣхалъ къ нему сынъ Артемьевыхъ и сказалъ, что родители его приглашаютъ къ себѣ Александра Лаврентьевича. Витбергъ принялъ приглашеніе и вскорѣ поѣхалъ въ ихъ селеніе Величево. На селеніи и на барской усадьбѣ лежали еще слѣды непріятельскаго посѣщенія. Въ деревнѣ онъ сдѣлалъ предложеніе Елизаветѣ Васильевнѣ и получилъ согласіе какъ молодой дѣвушки, такъ и ея родителей.

Ихъ помолвили, но только спустя годъ они обвѣнчались.

Наконецъ проекты по построенію храма Спасителя какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ извѣстнѣйшихъ архитекторовъ были готовы и повергнуты на высочайшее разсмотрѣніе императора Александра I-го.

На проектъ Витберга императоръ обратилъ особенное вниманіе и, выслушавши его объясненіе идеи храма, прослѣзился и при князѣ Голицынѣ сказалъ ему:

— Вы угадали мои мысли, мои желанія. Я хранилъ ихъ въ себѣ, не думая, чтобы архитекторы удовлетворили меня. Вы заставили камни говорить.

Избранъ былъ проектъ Витберга.

Вмѣстѣ съ этимъ Витбергъ былъ причисленъ къ вѣдомству кабинета его величества съ годовымъ окладомъ трехъ тысячъ рублей и съ выдачей въ разныя времена до двѣнадцати тысячъ.

Слезы, скатившіяся по лицу государя, были вышею наградою художнику.

Онъ былъ осыпанъ вниманіемъ всей царской фамилии, изустной похвалою короля прусскаго и прусскаго наслѣднаго принца, въ бытность его величества въ Москвѣ *). Принцъ Оранскій посѣтилъ его чертежную **). Онъ наперерывъ получалъ похвалы отъ полномочныхъ представителей почти всѣхъ европейскихъ державъ, многихъ знаменитыхъ путешественниковъ и замѣчательныхъ соотечественниковъ. Проектъ этотъ называли „архитектурною поэзіею и поэмою храма“. Графъ Воронцовъ желалъ способствовать къ изданію проекта въ свѣтъ и переводу его на греческій языкъ. Извѣстный мюнхенскій инженеръ Бибекинъ въ изданіи своемъ „Исторія архитектуры“ писалъ о заложенномъ на Воробьевыхъ го-

*) Нынѣшній король Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

**) Нынѣшній король нидерландскій Вильгельмъ II.

рахъ храмъ, какъ о величайшемъ зодческомъ произведеніи новѣйшихъ временъ по смѣлости и колоссальности идеи.

Императорская академія художествъ въ отчетѣ своемъ за 1835 годъ назвала проектъ этотъ трудомъ, достойнымъ своего назначенія.

Наружный видъ плана храма Спасителя—тройственный, крестообразный. Какъ въ цѣломъ, такъ и каждая часть его выражаютъ внутренній смыслъ. Тройственность эта соотвѣтствуетъ человѣку, который, по словамъ Священнаго писанія, есть „храмъ Духа святаго“, состоящій изъ трехъ началъ: тѣла, души и духа. Такая же тройственность обозначаетъ и три періода жизни Спасителя: воплощеніе, преображеніе и воскресеніе.

Первый храмъ—нижній, храмъ тѣлесный, тремя сторонами вдается въ гору; свѣтъ проникаетъ въ него съ четвертой стороны — восточной. Алтарь освѣщаютъ огромныя стекла съ изображеніемъ Рождества Христова. Сводъ поддерживается столбами изъ гранита. Стѣны украшены чернымъ, бѣлымъ и сѣрымъ мраморомъ. Барельефы изображаютъ исторію и смерть Спасителя и апостоловъ. Въ углубленіи катакомбы въ память всѣхъ воиновъ, павшихъ за отечество. Сводъ образуетъ фундаментъ втораго храма и завершается катакомбой, въ которой должны быть положены воины, павшіе за отечество въ 1812 году. Внутреннія лѣстницы соединяютъ нижній храмъ со вторымъ.

Второй храмъ, храмъ—душевный, начинается на поверхности горы. Форма втораго храма—пересѣченіе двухъ линій—крестъ. Свѣтъ въ полутонахъ сообщается ему отъ верхняго храма изъ оконъ, размѣщенныхъ невидимо. Алтарь освѣщенъ образомъ Преображенія. Барельефы изображаютъ жизнь и дѣянія Христа и апостоловъ. Внутреннія лѣстницы ведутъ въ храмъ третій.

Храмъ духовный представляетъ собою слѣдствіе креста—кругъ, выражающій безначальность и безконечность духа. Плафонъ въ куполѣ верхняго храма представлялъ отверстое небо, ярко освѣщенное искусственнымъ свѣтомъ. Алтарь озаряетъ воскресеніе Спасителя. Барельефы представляютъ исторію Спасителя по его воскресенію и его вознесенію отъ этого міра.

Главный входъ въ храмъ ведетъ лѣстница на первую

площадь; лѣстница эта раздѣляетъ большую террасу на двѣ половины, съ которой идетъ входъ въ храмъ нижній. Съ обѣихъ сторонъ террасы поднимаются уступы на верхнюю площадь ко второму храму. Главный куполь храма поддерживается сквозной чугунной колоннадой, съ каждой стороны колоннады помѣщается кольцообразно по пяти статуй главныхъ добродѣтелей. Съ одной стороны—ветхаго завѣта, съ другой—новаго съ текстами Священнаго писанія.

Наружный обходъ втораго храма украшаютъ изображенія пророковъ.

Верхнюю часть третьяго храма окружаютъ ангелы. Стилъ всего храма въ характерѣ греческой архитектуры — поражаетъ правильностію, изяществомъ и величественной красотой.

Не зданіе хотѣлъ воздвигнуть художникъ, а молитву Богу!

1817 года 12-го октября на Воробьевыхъ горахъ, между дорогами смоленской и калужской, въ то самое число и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ арьергардъ французскій имѣлъ послѣдній ночлеги, торжественно и всенародно, въ присутствіи государя, и духовенства, и народа совершена была закладка храма Спасителя. Первый камень положилъ императоръ, второй—художникъ-строитель храма Витбергъ. Изъ Тарутина былъ доставленъ военный понтонъ, служившій императору Александру въ походѣ 1812 года. Онъ былъ накинута на Москву-рѣку и государь переѣхалъ на немъ къ мѣсту своего обѣта.

При избраніи Воробьевыхъ горъ принято было въ соображеніе не только красота мѣстности и историческіе факты, соотвѣтствующіе значенію отечественнаго памятника, но и экономическій расчетъ: тутъ находилось достаточно матеріала для кирпича.

Князь Голицынъ, по порученію государя, объявилъ Витбергу, что при настоящихъ обстоятельствахъ государь желаетъ чтобы онъ присоединился къ православію, если это согласнo и съ его желаніемъ.

Витбергъ давно изучалъ греко-восточную церковь и охотно согласился.

Государь изъявилъ желаніе быть его воспріемникомъ и далъ ему свое имя „Александръ“.

1817 года 14 декабря, въ сочельникъ, въ домово́й церкви архіепископа Витбергъ былъ присоединенъ къ православію. Отъ имени государя находился князь А. Н. Голицынъ. При обрядѣ присутствовали только: жена Витберга съ его сыномъ, двое друзей его, священникъ изъ кадетскаго корпуса и докторъ Мудровъ.

Затѣмъ Витбергъ сдѣланъ былъ потомственнымъ дворяниномъ.

На другой день обряда князь Голицынъ, вмѣстѣ съ поздравленіемъ отъ государя, объявилъ Витбергу высочайшую волю, чтобы онъ въ наискорѣйшемъ времени занялся составленіемъ „проекта комиссіи“ сооруженія храма Спасителя, дабы народъ не думалъ, что государь ограничился одной закладкой, и ему желательно бы было, чтобы къ его отъѣзду все было готово.

Уѣзжая въ Петербургъ, государь предоставилъ Александру Лаврентьевичу вполнѣ веденіе дѣла, а въ случаѣ надобности лично поручила явиться въ Петербургъ.

Въ концѣ 1820 года комиссія для сооруженія храма была открыта.

Комиссія состояла подъ вѣдѣніемъ государя. О дѣлахъ комиссіи государю докладывалъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ.

Но высокая мысль и чистое стремленіе часто встрѣчаютъ противодѣйствіе. Нѣкоторые изъ лицъ комиссіи задались нечистою цѣлью и увлекли за собою не злонамѣренныхъ, но слабыхъ. Витбергъ необходимо сталъ въ оппозицію съ комиссіей. Съ точнымъ исполненіемъ проекта соединена была его слава, его существованіе. Другіе же искали только своихъ выгодъ и не останавливались ни передъ ложью, ни передъ клеветой.

Предупреждая и обнаруживая многія злоупотребленія, Витбергъ навлекъ себѣ много враговъ, которые стали дѣлать на него ложные доносы и клеветы, вооружили противъ него первенствующихъ членовъ и увлекли ихъ въ пользу виновныхъ.

Витбергъ поѣхалъ въ Петербургъ, подалъ государю письмо, въ которомъ объяснилъ все дѣло комиссіи и что онъ не въ силахъ противоборствовать. Государь собирался въ Таганрогъ, поручилъ все дѣло графу Аракчееву, къ которому поступили и всѣ бумажки по комиссіи.

Аракчеевъ вскорѣ заболѣлъ и былъ отстраненъ отъ дѣлъ. Черезъ два мѣсяца императоръ кончилъ жизнь. Воцарившемуся государю были неизвѣстны дѣла комиссіи и Витбергъ остался одинъ противъ нѣсколькихъ лицъ съ сильными связями, неумоимо стремившихся къ его гибели—и онъ погибъ.

Наряжена была слѣдственная комиссія; слѣдователи были противъ гениальнаго художника.

Дѣло это тянулось около десяти лѣтъ. Всѣ лица, бывшія подъ судомъ, въ томъ числѣ и Витбергъ, признаны виновными.

Описаны были имѣнія подсудимыхъ *); Витбергъ же въ 1835 году былъ сосланъ въ Вятку.

Рѣшеніе дѣла было для Витберга страшнымъ ударомъ,—онъ не ожидалъ его. Великій художникъ былъ увѣренъ, что будетъ оправданъ и даже вознагражденъ.

За три года до своего осужденія Витбергъ лишился отца и любимой жены. Онъ сильно тосковалъ, дѣти оставались безъ присмотра; онъ женился вновь на бѣдной дѣвушкѣ Авдотѣ Викторовнѣ Пузыревской, а вскорѣ послѣ женитьбы былъ высланъ на жительство въ Вятку. Собравшись наскоро, захвативъ съ собою свой проектъ, свои бумаги, онъ отправился въ ссылку одинъ; семейство его пріѣхало къ нему спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Пріѣздъ Витберга въ Вятку произвелъ тамъ сильное впечатлѣніе. Когда онъ появлялся на улицахъ, прохожіе останавливались и съ любопытствомъ осматривали его. Купцы сидѣльцы бросали лавки и выбѣгали посмотреть на знаменитаго ссыльнаго.

Въ Вяткѣ Витбергъ повелъ жизнь самую уединенную, терпѣлъ сильную нужду, никому не жаловался на свою участь, долго не терялъ надежды оправдаться и возстановить свое честное имя, даже надѣялся современемъ видѣть свой проектъ осуществленнымъ и съ неостывшей любовью продолжалъ заниматься его обработкой.

Душевное состояніе его неожиданно нашло поддержку въ дружбѣ одного молодого человѣка, случайно попавшаго въ Вятку.

28-го августа 1839 года для Витберга насталъ день великой радости, онъ былъ официально извѣщенъ объ утверж-

*) Находились подъ секвестромъ.

деніи въ Петербургѣ его проекта Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ.

30-го августа 1839 года произведена была закладка храма въ присутствіи А. Л. Витберга. Во все время церемоніи закладки художникъ рыдалъ какъ дитя!.. Кто объяснитъ глубокое, горькое значеніе этихъ слезъ? Что совершалось съ Витбергомъ въ это мгновенье? Передъ очами души его не проносилась ли другая закладка, при иной обстановкѣ, въ присутствіи царя и царственныхъ особъ, передъ лицомъ всей Москвы, передъ лицомъ лучшихъ представителей войскъ, едва возвратившихся съ пути міровыхъ побѣдъ; не вспоминался ли ему тотъ свѣтлый ореолъ, которымъ его окружала слава, та безвозвратно прожитая жизнь безъ счастья видѣть олицетвореніе своей лучшей идеи, которое осталось бы достойнымъ памятникомъ грядущимъ поколѣніямъ, обезсмертило бы и его имя.

15-го октября 1839 года Витбергъ, среди непрестанныхъ и по прежнему безвозмездныхъ трудовъ по наблюденію за постройкой вятскаго храма, получилъ высочайшее разрѣшеніе вернуться изъ ссылки. Проектъ вятскаго собора былъ представителемъ у царскаго престола за художника. Высочайшимъ повелѣніемъ Витбергу было разрѣшено жить въ Россіи, гдѣ пожелаетъ. Вѣсть объ освобожденіи произвела живѣйшій восторгъ въ семьѣ Витберга и съ такимъ же восторгомъ принята его друзьями.

Въ судьбѣ Витберга принималъ большое участіе В. А. Жуковский.

Въ 1840 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Витбергъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Прежде всего онъ принялся хлопотать о пересмотрѣ дѣла по сооруженію храма Спасителя въ Москвѣ. По старой памяти, онъ обратился за ходатайствомъ къ князю А. Н. Голицыну; но князь прямо объявилъ ему, что уже ничего нельзя сдѣлать, дѣло проиграно и возобновить его невозможно. Витбергъ остался почти безъ всякихъ средствъ къ существованію съ многочисленнымъ семействомъ.

Въ 1844 г. Витбергу удалось выхлопотать себѣ пенсію въ 400 р. въ годъ. Жизнь его проходила однообразно. Въ домѣ все дѣлалось по заведенному порядку, и всякое нарушеніе его выводило Витберга изъ себя; онъ горячился, и велѣдъ за этимъ съ нимъ дѣлался припадокъ падучей болѣзни,

послѣ котораго онъ становился мраченъ, и раздраженіе его доходило до такой степени, что съ нимъ нельзя было слова сказать. Вставалъ Витбергъ обыкновенно рано и тотчасъ запирался въ своемъ кабинетѣ. Тамъ читалъ преимущественно книги духовнаго содержанія, или рисовалъ, чертилъ. Изъ дома выходилъ разъ или два въ мѣсяцъ. У него бывали посѣтители рѣдко, да и то онъ никогда не выходилъ къ гостямъ, или выходилъ хмурый, сердитый.

Это былъ уже не мощный умъ, а обремененный нуждой и болѣзнями старецъ, схоронившій всѣ свои надежды, всѣми забытый, ничего впереди отъ жизни не ожидавшій. „Если бы не семья, не дѣти,—говорилъ Витбергъ въ минуты горести,—я вырвался бы изъ Россіи и пошелъ бы по міру съ моимъ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ, спокойно протягивалъ бы я прохожимъ руку, которую жалъ императоръ Александръ Павловичъ и рассказывалъ бы мой проектъ и судьбу художника“. Онъ гибнулъ, самый гнѣвъ его противъ враговъ своихъ сталъ потухать; надеждъ у него больше не было, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы выйти изъ своего положенія—онъ ждалъ смерти.

Въ 1847 году пріѣхалъ въ Петербургъ съ Кавказа какой-то казацкій полковникъ. Предполагали построить храмъ на Кавказѣ. Витбергу предложили составить проектъ храма, онъ согласился — проектъ скоро былъ готовъ и по этому проекту въ Тифлисѣ построенъ Георгіевскій соборъ.

Между тѣмъ, болѣзнь Витберга усиливалась, припадки повторялись чаще и чаще.

Въ 1848 году Ѳеодоръ Ивановичъ Прянишниковъ сталъ доставлять Витбергу работу — составлять рисунки для корзинъ, въ которыхъ онъ подносилъ высокопоставленнымъ лицамъ въ новый годъ заграничные журналы и кипсеки.

Въ то же время Витбергъ брался составить по заказу памятники и монументы. Въ его положеніи это была единственная, доступная для него работа. Заняться чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ ему не приходилось, да онъ едва ли бы и могъ: болѣзнь окончательно его одолевала.

Кому-то вздумалось устроить въ Петербургѣ сообщенія въ общественныхъ каретахъ и понадобился для этого рода экипажей рисунокъ, заказъ былъ сдѣланъ Витбергу, и онъ его исполнилъ.

Въ 1851 году скончалась жена Витберга. Утрата ея была для него новымъ и послѣднимъ ударомъ, за которымъ послѣдовалъ параличъ.

Въ 1854 году на него обрушилось еще несчастіе — пожаръ, въ которомъ онъ едва не погибъ; его спасъ бывшій его ученикъ Чарушинъ, жившій въ его семействѣ. Въ этомъ пожарѣ погибли почти все рисунки и чертежи многолѣтнихъ трудовъ Витберга; затѣмъ, что было спасено, погибло въ семействѣ, послѣ его кончины, также въ пожарѣ.

12-го января 1855 г. Витберга не стало. Онъ кончилъ жизнь 68-ми лѣтъ отъ роду и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. При послѣднихъ минутахъ художника присутствовалъ его любимый ученикъ изъ Вятки Д. Я. Чарушинъ; похоронилъ его на свой счетъ П. И. Гепинъ, членъ комитета по сооруженію Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ.

Витбергъ извѣдалъ все муки, которыя могутъ быть знакомы только людямъ, обладающимъ даромъ творчества: чувствовать, что могъ бы привести въ восторгъ всехъ красотою своихъ созданий, величіемъ и блескомъ идей, воплощенныхъ въ формы, которыя увѣковѣчили бы ихъ для потомства, и ограничиваться изображеніемъ ихъ на бумагѣ. Тѣмъ не менѣе, имя Александра Лаврентьевича Витберга навсегда принадлежитъ исторіи искусствъ.

Т. Лассекъ.

(Изъ дальнихъ лѣтъ).

НАРОДЫ РОССИИ ^{*)}.

II.

Черемисы.

(Этнографическій очеркъ).

ЕБО безоблачно, лунная блѣдная ночь; все спитъ, стучитъ только тряская телѣга, изъ которой выглядываетъ запыленный человекъ—по физиономіи, костюму баринъ... Охота или неволя погнали его

изъ уютнаго кабинета удобной городской квартиры по род-

*) Первый очеркъ „Народовъ Россіи“ — „Мордва“ помѣщенъ въ журналѣ „Игрушечка“ 1881 года № 2. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ въ продолженіи года будетъ рядъ статей о народахъ, племенахъ, вообще населяющихъ Россію и о типичныхъ великоруссахъ по губерніямъ.

нымъ захоlustьямъ Казанскаго инородческаго края... Мчитъ его тройка маленькихъ разношерстныхъ лошадокъ; звенятъ бубенчики; пылить дорога; подкинуло на кочкѣ; юркнуль онъ глубоко въ кузовъ телѣги на противной яминѣ... Тихая ночь; луна блѣдно освѣщаетъ молчаливый путь; дремотно на душѣ; глазъ ищетъ привѣтливаго огонька; хочется отдохнуть. А пріюта — нѣтъ какъ нѣтъ: кругомъ сплошныя перепаханныя поля; вынырнула — горка, дремлющій холмъ — и опять поля, поля; выглянулъ овражекъ — и пропасть; зарыбили тѣни отъ малорослыхъ кустиковъ перелѣска — и исчезли; а телѣга томительно стучить; лошади устало фыркаютъ; угрюмый ямщикъ дремлетъ...

— Спишь что ли, веселая голова?.. слышится изъ телѣги.

— Ни... односложно отвѣчаетъ возница.

— Скоро-ли деревня?..

— Близъ... Проѣдемъ горку,—будетъ долокъ; а тамъ захватимъ кустиковъ малость... Тутъ ужъ и рукой подать черемисская деревня... необорачиваясь докладываетъ ямщикъ.

— А сколько верстъ до нея?..

— Кто ее версту-то тутъ мѣрялъ: баба рази клюкой... Наши мѣста тихія,—изъ мѣры вышли... меланхолически говорить, понукая лошадей, возница.

И замолкъ,—и кругомъ все молчить... Пропали—горка, долокъ, кустарникъ; а все не видно привѣтливаго огонька... Дрема на всемъ... Но вотъ замелькали на блѣдномъ фонѣ кустики, кудри березъ... еще и еще... колеса завертѣлись успокоительно мягко... Вотъ блеснула берестовая крыша сѣраго домика... одна, другая...

— Вотъ тебѣ и деревня!.. дергая коренную, апатично говорить ямщикъ.

Полный мѣсяцъ выплылъ изъ облаковъ и облилъ все серебромъ. Деревня точно купалась въ густой зелени березъ.

Черемисское племя выросло, воспиталось среди лѣсовъ и теперь еще любить лѣса, а такъ какъ ихъ много вырублено, то черемисы разводятъ деревья на своемъ дворѣ, на

улицѣ. Кудрявая береза, калина—любимицы черемиса; его домашняя зелень обнесена крѣпкимъ плетнемъ. Передъ березой черемисъ благоговѣть изстари: она его освѣщаетъ, согрѣваетъ; ея бѣлая кора укрываетъ крыши его домовъ, служить домашней посудой, утварью, изъ ея бересты его дѣды и прадѣды носили высокія шапки, въ видѣ бураковъ.

— Землякъ!.. Эй, землякъ, пушай на ночевку!.. стука кнутовищемъ въ окошко, вызывалъ ямщикъ у первой избы.

Дверь тяжело скрипнула; отворились ворота и телѣга вѣхала на чистый дворъ. Крѣпкіе сараи и хлѣвы,—все говорило о домовитости и порядкѣ хозяина-черемиса. Протѣзжаго, казалось, это не поражало; онъ много наблюдалъ инородцевъ и близко изучалъ ихъ то тутъ, то тамъ въ своихъ скитаніяхъ по Россіи. Это былъ присяжный этнографъ, человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь на изученіе народныхъ нравовъ.

Во дворѣ хозяинъ черемисъ съ просонья смотрѣлъ на пріѣзжаго недовѣрчиво, угрюмо; но въ чистой избѣ, при свѣтѣ лучины призналъ гостя.

— А это ты, Ѳеодоръ Ивановичъ, — опять въ наши края пожаловалъ...

— Да-да, развѣ призналъ меня?..

— Какже, видалъ не разъ...

— Ну, какъ Керемети, совсѣмъ, поди, отощали въ вашей сторонѣ?..

— И не говори; почитай всѣ за Волгу переплыли къ некрещеннымъ черемисамъ... Есть тутъ у насъ одинъ черемисъ изъ старыхъ мужановъ... Такъ ему, видишь-ли, горный духъ являлся въ ночи: сидитъ себѣ въ уголку, пригнѣввшись, такой блѣдный, худой и воетъ: совсѣмъ отощаль, плохія времена, черемисы спознались съ русской вѣрой и не кормятъ кереметей жертвами... Ъсть и пить, выходитъ, нечего, и кони въ небѣ всѣ ноги отъѣздили, а новыхъ не даютъ...

— Да, прошла, значитъ, имъ лафа...

Въ это время черемисъ, уже православный, хлебнулъ изъ чашки квасу и все таки отплеснулъ на полъ, какъ

бы соображая: кто его знает, быть может и сидить еще тутъ вблизи какой-нибудь голодный, жаждущій Кереметь; не напои его—лихую болѣзнь напуститъ.

„Охъ, себѣ на умѣ эти черемисы, практичны, никого не желаютъ обидѣть—чтобы не лишиться своихъ выгодъ!.. Вся вѣра у нихъ на расчетѣ!..“ подумалъ этнографъ, зная, что и зачѣмъ дѣлаетъ въ эту минуту черемисъ.

Въ путевыхъ книжкахъ Ѳеодора Ивановича, между прочимъ, много замѣтокъ о черемисахъ, — по пріятельству съ нимъ пользуемся этимъ матеріаломъ.

Черемисъ—земледѣлецъ ли, скотоводъ, пчеловодъ—лѣсникъ: лѣсъ его святилище, тамъ всѣ его боги—Керемети, тамъ его моленья. Вся природа олицетворена имъ въ видѣ разныхъ боговъ—Кереметей, Вадышей съ главой ихъ Юмой. Въ понятіяхъ черемиса-язычника и злые и добрые боги могутъ быть полезны, если давать имъ: питье, ѣду, коней, коровъ, овецъ,—потому что его боги живутъ тѣми же потребностями, какими живетъ и онъ. Въ послѣднее время разнымъ богамъ своимъ черемисъ приносить жертвы изъ тѣста въ видѣ аргамаковъ: коней, овецъ, коровъ, въ замѣнъ настоящихъ, и бросаетъ по клочкамъ на священныхъ мѣстахъ частныхъ и общихъ моленій. Народъ этотъ крайне расчетливый, не увлекающійся, у него нѣтъ пѣсень, гдѣ бы изливалось его чувство. Веселъ ли черемисъ, печалентъ ли, пляшетъ-ли, или плачетъ—его душа откликается въ одинаково тоскливомъ, тягучемъ: „а—а—а, о—о—о“ безъ всякихъ словъ. Вотъ молитвы черемиса-язычника при его жертвоприношеніи Кереметю, онѣ ясно обрисовываютъ быть, понятія и религіозныя чувствованія черемиса.

„Кто богу принесъ жертву, тому спасенія дай: въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотахъ и въ деньгахъ счастье дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынью дай. Птицъ и звѣрей ловить счастье дай. Дай богъ счастье взять тройную цѣну за товаръ. Всѣ сокро-

вища, какія есть на землѣ и во всемъ свѣтѣ, получить счастье дай. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ мнѣ жить ума и счастья дай. Какъ свѣча горитъ свѣтло, такъ меня жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ постоянно жить счастье даруй. Дай намъ обиліе во всемъ, веселіе и радость, чтобы намъ жить въ роскоши, играть и хохотать.“

Все это вычитывается черемисами въ какомъ нибудь священномъ для нихъ мѣстѣ, стоя на колѣнахъ въ чистыхъ бѣлыхъ одеждахъ, обшитыхъ красной оторочкой, гдѣ нельзя сказать ни одного слова по-русски. Старикъ-мужанъ въ это время, стоя у временно поставленнаго стола въ бѣломъ, длинномъ балахонѣ и высокой берестовой шапкѣ, кадитъ зажженной головней. Онъ приноситъ тутъ же въ жертву лошадь, барана, корову; со словами „прими любезно“ разбрасываетъ по сторонамъ кусочки мяса понемногу отъ каждаго члена животнаго. Молящіеся отщипываютъ кусочки отъ принесенныхъ домашнихъ лепешекъ изъ тѣста, и, бросая по сторонамъ, тоже приговариваютъ „прими любезно!“ отливаютъ немного на землю пива, сыченаго меду для питья богамъ. Шкуры жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ на дерево. Моленіе окончено и черемисы спокойно расходятся. Такъ черемисы молятся въ маѣ, іюнѣ и поздней осенью.

Родится въ семьѣ черемиса ребенокъ,—приглашается тотъ же старикъ-мужанъ (онъ же ворожникъ). Опять на немъ бѣлый балахонъ и высокая берестовая шапка, онъ высѣкаетъ надъ младенцемъ искру за искрой огнивомъ изъ кремня, приговаривая разныя общеупотребительныя имена: при которомъ имени загорится трутъ, положенный на кремень, то имя и нарѣкаютъ. Если нѣтъ подъ руками трута, огнива, кремня, то мужанъ беретъ плачущаго младенца на руки и качая его, перебираетъ имена до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ плакать: послѣднее имя, произнесенное предъ этимъ ворожникомъ, и дается дитяти. Нѣтъ ворожника—это можетъ сдѣлать всякій старый человѣкъ.

Ворожникъ играетъ главную роль и на черемисскихъ свадьбахъ—онъ соединяетъ рука съ рукой брачующихся, прося Юму надѣлать ихъ всякимъ благополучіемъ. Причемъ приносится въ жертву богамъ частички жареной курицы, молочной яичницы, и отливается пиво. Все это подбрасывается трижды вверхъ къ потолку, если же моленіе совершается на дворѣ—на крышу клѣти. И всѣ предстоящіе возглашаютъ: „Юма, самый старшій Юма, сохрани и благополучіе подай, дай богатство, дай семь сыновей и семь дочерей; сколько въ полотенцѣ нитокъ, сколько въ лѣсу листьевъ, столько лѣтъ дай имъ жить, играть и смѣяться“. Затѣмъ молодыхъ сажаютъ подъ священную кудрявую березу и идетъ пиръ, пиръ начинается тѣмъ, что молодые отвѣдываютъ одну общую лепешку въ знакъ своего союза. Тутъ отецъ молодой даетъ своей дочери трость хранительницу—березовую палку. Остатокъ лепешки и трость уносятъ въ шалашъ во дворѣ, гдѣ палка втыкается въ землю. Въ этой шалашевой керемети черезъ нѣсколько дней молодая приноситъ жертву родительскимъ богамъ: 1 барана, 2 утки, пряники изъ тѣста—коровъ, быковъ лошадей, зайцевъ, утокъ и проч.

Черемисы вѣрятъ въ безсмертіе духа, и будущую жизнь рисуютъ себѣ такой же, какъ и на землѣ, съ тѣми же потребностями, съ какими они заснули вѣчнымъ сномъ. Покойника одѣваютъ въ полный черемисскій костюмъ, даже рукавицы на рукахъ и въ карманѣ кошелекъ съ деньгами, чтобы было чѣмъ откупиться, въ пазухѣ—сдобныя лепешки, съ боковъ стклянки съ пивомъ и разныя вещи домашняго обихода, кнутъ, холстъ на рубаху, заплетенный лапотъ съ лыками и кочедыкомъ и пр. Это для того чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался и не приходилъ опять на землю. О покойникамъ черемисы рѣдко и мало плачутъ и родня не провожаетъ ни въ церковь, ни на кладбище. Хозяйка, отпуская изъ дома тѣло покойника, бросаетъ ему вослѣдъ раскаленный камень, чтобы онъ не посѣщалъ ихъ никогда. Поминки бываютъ въ третій, седьмой и сороковой день, а равно и въ четвергъ на страстной недѣлѣ

и въ семикъ, чтобы покойникъ не голодалъ на томъ свѣтѣ и не вздумалъ бы посѣтить своихъ родныхъ.

Черемисъ принадлежитъ къ финскому племени, такъ же какъ и мордва. Онъ даровитѣе мордвы и развитѣе; по натурѣ мраченъ и молчаливъ. Чувство лѣсной красоты едва ли не единственное проявленіе чувства любви къ поэзіи. Ему только хорошо среди лѣсной трущобы, со всѣхъ сторонъ сдавленной огромными дубами, темной отъ густой листвы вершинъ, хорошо на веселой полянѣ, окруженной кудрявымъ березникомъ, облитой солнцемъ; но онъ не сложилъ ни одного стиха про лѣсную пустыню, не сѣлъ про свой лѣсъ ни одной пѣсенки. Ему хорошо въ лѣсу такъ, что и выходить бы оттуда не хотѣлось.—Черемисъ энергиченъ, предприимчивъ, живо усваиваетъ все, что идетъ на пользу его быта, онъ хорошій хозяинъ-скопидомъ, у котораго и изба опрятна и богата, и поля хороши, и меду и домашней скотины вдоволь.

Деревни черемисовъ большею частію стоятъ въ темныхъ лѣсахъ, почти всегда при рѣкѣ, въ удобномъ мѣстѣ—это указываетъ на давнее населеніе страны. Одежда мужчинъ состоитъ изъ долгаго, бѣлаго балахона, съ красной оторочкой, и высокой берестовой шапки. Одежда женщинъ похожа на одежду мужчинъ, почти такіе же балахоны съ красными обшивками, у женщинъ на головахъ высокія повязки, а въ ушахъ длинныя проволочныя серьги; грудь обвѣшана бусами, серебряными и золотыми монетами.

N. Z.

Черемисъ.

ЧЕРЕМИСКИ ВЪ ИХЪ КОСТЮМАХЪ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 января 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11--2.